



П. Б. СТРУВЕ

Герцен. Речь, произнесенная в кружке имени Герцена 9 января 1908 года

Очень нетрудно на имя Герцена нагромоздить ряд громких хвалебных эпитетов, но не так легко рассмотреть его истинное лицо. Герцен был великим публицистом, сильным умом, крупным художником слова. Но публицистика есть род литературы наиболее бранный; сильный ум Герцена не рождал отвлеченных идей, которым как таковым было бы суждено длительное существование; художественные его образы не ведут отдельного и отделенного от их творца, выражаясь школьным языком, «объективного» существования — это не образы Гёте, Пушкина, Тургенева, Толстого. Герцен мил нам, дорог, велик, вечен не как публицист, не как мыслитель, не как художник. Сквозь все эти «виды» его существования выступает нечто более важное, более ценное, более несомненное.

Герцен великий и вечный человеческий тип в оправе мощной и красивой индивидуальности. Русская культура не знает ничего подобного ни выше Герцена, ни рядом с ним.

В чем же тут дело? Господа, я ужасно больно чувствую, как трудно рассказать, описать, убедительно и исчерпывающе выразить это словами. Есть, впрочем, одно слово, которым можно, правда бледно и бедно, сказать, чем же был Герцен. Это — слово «свобода».

Не в том ограниченном смысле, что Герцен боролся против всякого внешнего гнета — за политическое и социальное освобождение. Эта борьба, конечно, стояла в теснейшей связи с его существом, была ярким излучением этого существа. Но именно только излучением чего-то еще более важного, коренного, ценного. Герцен был воплощением свободы как вечной стихии человеческого духа. Он всегда боролся, всегда сомневался, всегда искал — и в этой борьбе с другими и с собой, в этих исканиях всегда был свободен, несмотря на всю свою пылкость, более того, страстность.

Это — человеческий тип, которому ничто человеческое не чуждо, все понятно, но который сам не способен быть одним — деспотом. Герцен понимал даже деспотизм — вспомните, как говорил он о Петре Великом. Но деспотизм был для него внутренне чуждой стихией. Вот почему у Герцена было такое отталкивание от тончайшей, наиболее духовной формы деспотизма — от догматизма. Такие люди способны на всякую страсть, кроме самой жестокой — догматической. Такие люди иногда умирают на баррикадах, но они никогда не призывают других на баррикады и не тащат их на эшафот.

В истории русской культуры есть другой образ искателя и борца. Достоевский искал Бога и боролся с ним — но всегда с чуждою Герцену догматической страстью, с страстью — обрести окончательное, последнее, покоряющее, освобождающее от исканий решение. Среди наших современников и младших современников Герцена есть великий дух, столь же и еще более отличный от Герцена. Это уже не только искатель, воспламененный догматической страстью искания, — это человек, с догматической страстью утверждающий истину и все во имя этой истины сокрушающий. Лев Толстой, в процессе общественного развития России великий освободитель, — как человеческий тип воплощает в себе ту стихию человеческого духа, от которой Герцен внутренне отталкивался: деспотизм. Толстой был свободен и творил свободно, как художник. Но не сокрушил или, вернее, не сокрушал ли в течение десятилетий на нашей памяти догматик художника?

Ближе, родственнее Герцену Тургенев. Можно сказать, что Тургенев так же, как Гёте и Пушкин, воплощает то же

начало, что и Герцен: начало свободы, свободного отношения к миру. Но Пушкин и Тургенев «объективны», они выше всего в своих творениях, когда они переливаются целиком в эти творения — и те начинают жить отдельной от творцов жизнью. В этом образчике того же типа нет страсти свободы, которую был движим Герцен; в нем есть спокойствие, которое было чуждо Герцену. Те творили свободно, Герцен был сам свободен. Что и кто выше? Бесплодный спор. В искусстве Гёте, Пушкин, Толстой — вершины, над всем возносящиеся. Пушкин понимал это, когда уходил от бурного Байрона и отдавал перед ним предпочтение спокойному Гёте. В жизни и в культуре, вообще говоря, все типы одинаково нужны, одинаково велики и вечны: и властно-спокойные творцы, как Гёте и Пушкин, и мятущиеся представители свободы, как Герцен. Такой человеческий тип, какой являл нам Герцен, мы склонны оценивать всего выше, когда бываем охвачены настроением, выраженным Гёте в бессмертных словах:

Nur allein der Mensch
Vermag das Unmögliche.
Er unterscheidet,
Wählet und richtet.
Er kann dem Augenblick
Dauer verleihen.*

Или, как сказал Фет:

Не тем, Господь, могуч, непостижим
Ты пред моим мятущимся сознанием,
Что в звездный день твой светлый Серафим
Громадный шар зажег над мирозданьем
И мертвецу с пылающим лицом
Он повелел блюсти твои законы,
Все пробуждать живительным лучом,

* Лишь человек
Способен к невозможному.
Он различает,
Выбирает и направляет.
Он в состоянии
Продлить мгновение
(«Божественное», 1783).

Храня свой пыл столетий миллионы.
Нет, ты могуч и мне непостижим
Тем, что я сам, бессильный и мгновенный,
Ношу в груди, как оный Серафим,
Огонь сильнее и ярче всей вселенной.

Можно отвергать многое, что признавал Герцен. Можно многое понимать иначе, чем он. Но нельзя сознательно отвергать то, что составляло существо Герцена, — священное пламя свободы.

Русские люди — из всех человеческих стихий — с наибольшею страстью искали свободы и всего полнее извели и испили деспотизма. Не только в смысле политическом, но и в смысле духовном. Самый последний перегон нашей истории, тот, от которого мы теперь отдыхаем в еще более утомительном затишье, измотал нас всяческим деспотизмом. Здоровый инстинкт толкает нас искать возрождения в свободе. В такое время теснейшее духовное общение с Герценом и его творениями будет обращением к подлинному источнику воды живой.

Один из национальных героев духа, Герцен не принадлежит какой-либо партии и какому-либо направлению. Не готовые решения и утвержденные рецепты, а дух свободы и культуры и сияние красоты обретаем мы в его творениях.

Тем, что Герцен воплотил с такой мощью и красотой в себе стихию свободы, он опередил свое время и предвосхитил тех, кто пришел гораздо позже его. В особенности это верно по отношению к России. В «иконоборческую», «направленную» эпоху 60-х годов. Герцен пришелся не ко двору не как политический деятель, а именно как духовный тип.

Наше время ближе к нему. Многие из того, что новейшему человечеству явилось откровением от Ницше и от Ибсена, было заключено в Герцене, правда, неотделенное и неотделимое от его живой и красивой индивидуальности.

Как свободный ум, Герцен имел мужество смотреть в лицо действительности и подвергать суровой проверке своей лучшие верования и чаяния. Я не знаю в русской литературе произведения в этом отношении более замечательного

по беспощадной критической честности ума, чем последнее и посмертное произведение Герцена «Письма к старому товарищу» (Бакунину). Тут Герцен собрал всю мудрость своей богатой жизни, и вся новейшая самокритика социализма in pace находится в этих «Письмах».

Свободный дух Герцена не знал никаких кумиров и не боялся никакой правды.

Чем более мы будем верны этому завету неподкупной честности, тем легче и, главное, достойнее каждое поколение пройдет свой кусок того тернистого непрерывного пути «от освобождения к освобождению», которым, спотыкаясь и падая, идет ищущее свободы человечество.

1908

